

Польские веяния

Еще в большей степени, чем из «Иностранной литературы», сведения о новейших интеллектуальных и эстетических веяниях на Западе добывались из польской периодики и книг на польском языке. В отличие от западных, «капиталистических», изданий польские, «народно-демократические», свободно продавались в СССР. На польские журналы можно было подписаться. «Наверное, половину современной западной литературы я прочитал по-польски...»⁹⁸ – вспоминал Бродский, который ради чтения Камю и Кафки выучил польский язык. Как и его многие ленинградские друзья, он был постоянным читателем польского еженедельника «Przekrój» («Обозрение»). Это было странное, с точки зрения

94 Первое, несколько менее представительное, издание называлось «От романтиков до сюрреалистов» (Л.: Время, 1934).

95 Вышла без имени Мирского, который был в год выхода книги, 1937-й, арестован (в книге составителем был назван один из переводчиков – М. Гутнер). Бродскому эту высоко ценившуюся в кругу его друзей книгу подарил в 1963 г. на день рождения М. Б. Мейлах (*Мейлах 1997*. С. 159).

96 Шульц 2000. С. 77.

97 См. *Интервью 2000* С. 417.

98 *Интервью 2000*. С. 325.

нормальной журналистики, издание – интеллектуальный, с уклоном в авангардизм, журнал, притворявшийся бульварным. Там печатались заметки о разводах европейских и голливудских кинозвезд и рецепты средств от похмелья, но в то же время в рецензиях и репортажах постоянно сообщалось о новых веяниях в философии (экзистенциалистской) и искусстве (главным образом абсурдистском). Натыкаясь у Бродского в стихотворении «Набросок» на строки «Луна сверкает, зренье муча. / Под ней, как мозг отдельный, – туча...», старый читатель «Пшекруя» непременно вспомнит сюрреалистические гравюры Даниэля Мруза (Mróz), неоднократно изображавшего ночной пейзаж с большой тучей в виде человеческого мозга. В целом стиль художников и авторов «Пшекруя», ориентированный на авангард пятидесятих-шестидесятых годов в диапазоне от трагического абсурдизма Беккета до психоделической лирики «Битлз», нашел отклик во многих вещах Бродского.

Но особенно важным для формирования собственного стиля было знакомство с польской поэзией. Это была поэзия на родственном славянском языке, но глубже и органичнее связанная с европейской традицией вплоть до ее латинских корней. В ней был мощный период барокко, системы мировидения, очень привлекавшей Бродского. Россия опоздала с барокко лет на сто, хотя Бродский и открывал барочные элементы у Кантемира, Третьяковского и Державина. Он переводил поэтов польского барокко XVI века – Рея, Семп-Шажиньского и, возможно, Кохановского. Они подготовили его к восприятию Джона Донна и других английских поэтов-метафизиков. Переводил он и великого романтика Циприана Норвида, предвосхитившего Цветаеву не только темпераментом и трагическим воображением, но и в экстатической поэтике – ритмически необычным стихе, изобилующем смелыми эллипсисами. Переводил своих старших современников, польских модернистов Галчинского, Херберта, Милоша. С последним, как и с более молодыми Виктором Ворошильским, Анджеем Дравичем и Адамом Загаевским, он впоследствии подружился. Любовь к польской поэзии, к Польше осталась на всю жизнь и оказалась взаимной. Поляки переводили Бродского еще при коммунизме. В 1979 году в подпольном издательстве NOW вышли его «Стихи и поэмы», великолепно переведенные Станиславом Бараньчаком. Ведущий литературный журнал «Zeszyty literackie» («Литературные тетради») со своего основания в 1983 году до 1996-го печатал переводы из Бродского в двадцати восьми номерах из пятидесяти пяти. Всего при жизни Бродского в Польше было издано пятнадцать книг его прозы и поэзии, то есть больше, чем на любом другом языке, включая родной. Профессор-психолог Зофья Ратайчак (Капуцинская), с которой Бродский познакомился в бытность ее студенткой в Советском Союзе и которой тогда же посвятил поэму «Зофья» и два лирических стихотворения, и другие польские друзья приглашали его в Польшу еще в шестидесятые годы, но даже в сопредельную социалистическую страну власти его не выпускали. Он приезжал туда дважды в последние годы жизни, в октябре 1990-го и в июне 1993 года. Это были триумфальные поездки, полные теплых встреч со старыми друзьями и новыми читателями, хотя Бродский и говорил грустно по возвращении, что поехал в Польшу «слишком поздно и не с той стороны»⁹⁹.